

Св. Павел и таинства

«Никто не делает сам себя христианином. Христианами мы становимся»

Град Ватикан, 10 декабря 2008 г. (Zenit.org).- Публикуем перевод речи, произнесённой Бенедиктом XVI в среду на общей аудиенции в зале Павла VI.

Поскольку Святой Отец импровизировал по ходу речи, полный текст был записан и в четверг опубликован Ватиканским пресс-центром.

* * *

Дорогие братья и сёстры!

На катехитическом занятии в прошлую среду мы, следуя за св. Павлом, сделали два наблюдения. Первое – что наша человеческая история с самого начала искажена, поскольку она злоупотребила тварной свободой, стремясь эмансипироваться от Божией воли. Поэтому она не находит подлинной свободы, но противится истине, а значит, фальсифицирует человеческие реалии. Фальсифицирует в первую очередь основные отношения: с Богом, между мужчиной и женщиной, между человеком и землёй. Мы сказали, что это искажение распространяется на всю ткань истории, что этот наследственный дефект постепенно усиливается и сейчас заметен повсюду. Это первое наблюдение. Вот второе: от св. Павла мы узнали, что существует новое начало в истории и новое начало истории в Иисусе Христе, Который есть человек и Бог. С Иисусом, приходящим от Бога, начинается новая история, создаваемая Его ответом «да» Отцу и потому основанная не на гордыне ложной эмансипации, а на любви и истине.

Но тут возникает вопрос: как можем мы войти в это новое начало, в эту новую историю? Как эта новая история приходит ко мне? С первой, искажённой историей мы неизбежно связаны в силу нашего биологического происхождения, поскольку все мы принадлежим к единому телу человечества. Но как реализуется общение с Иисусом, новое рождение, вводящее нас в новое человечество? Как входит Иисус в мою жизнь, в моё бытие? Св. Павел и весь Новый Завет дают фундаментальный ответ: входит действием Святого Духа. Если первая история движима, так сказать, биологией, то вторая движется в Святом Духе, в Духе воскресшего Христа. Этот Дух в Пятидесятницу положил начало новому человечеству, новой общине, Церкви, телу Христову.

Однако выскажемся ещё конкретнее: как может этот Дух Христов, Святой Дух стать моим Духом? Это происходит тремя путями, тесно связанными между собой. Первый путь таков: Дух Христов стучит в двери моего сердца, прикасается ко мне изнутри. Но поскольку новое человечество должно быть истинным телом, поскольку Дух должен объединить нас и действительно создать общину, поскольку новому началу свойственно преодолевать разделения и собирать рассеянных, этот Дух Христов пользуется двумя элементами видимого собирания: словом воззвания и таинствами, в особенности крещением и евхаристией. В Послании к римлянам св. Павел говорит: «Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься» (10,9), то есть войдёшь в новую историю, историю жизни, а не смерти. Затем св. Павел продолжает: «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим 10,14-15). И дальше он говорит: «вера от слышания» (Рим

10,17). Вера – не продукт нашей мысли, нашего рассуждения, это нечто новое, чего мы не способны изобрести, а можем лишь получить в дар, новый дар от Бога. И вера – не от чтения, а от слушания. Это не только нечто внутреннее, но связь с Кем-то. Она подразумевает встречу с возвещением, подразумевает существование другого, который возвещает и созидает общение.

И наконец о возвещении: возвещающий говорит не от себя, он – посланец. Он включён в структуру миссии. Эта структура начинается с Иисуса, посланного Отцом, переходит к апостолам (слово «апостол» значит «посланец») и продолжается в служении, в миссиях, переданных апостолами. Новая ткань истории проявляется в этой структуре миссий, в которой мы слышим, в конечном итоге, как говорит сам Бог, слышим Его личное слово, Сына, Который говорит с нами, приходит к нам. Слово стало плотью, Иисусом, чтобы воистину создать новое человечество. Поэтому слово возвещения становится таинством в крещении, которое есть возрождение от воды и Духа, как скажет св. Иоанн. 6 глава Послания к римлянам содержит в себе очень глубокие размышления св. Павла о крещении. Мы уже слышали текст. Но, возможно, его полезно повторить: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни» (6,3-4).

В этой катехитической беседе я, конечно, не могу дать подробное истолкование этому непростому тексту. Я хотел бы кратко отметить лишь три момента. Первый: «мы были крещены» – это страдательный залог. Никто не может окрестить сам себя, но нуждается в другом человеке. Никто не может сам сделаться христианином. Это пассивный процесс. Лишь кто-то другой может сделать нас христианами. А «другой», делающий нас христианами, приносящий нам в дар веру, – это в первую очередь община верующих, Церковь. От Церкви мы получаем веру и крещение. Человек не может стать христианином, если не позволит этой общине его воспитать. Автономное, самодельное христианство есть нечто внутренне противоречивое. Во-первых, другой – это община верующих, Церковь, но, во-вторых, и община не действует сама по себе, согласно собственным идеям и желаниям. Община живёт в том же пассивном процессе: только Христос созидает Церковь. Христос есть истинный податель таинств. Это первое: никто не крестит сам себя, никто не делает сам себя христианином. Христианами мы становимся.

Второе: крещение есть нечто большее, чем омовение. Это смерть и воскресение. Сам Павел, в Послании к галатам говоря о том, как изменилась его жизнь в результате встречи с воскресшим Христом, так описывает эту перемену: я умер. В этот момент действительно начинается новая жизнь. Стать христианином – это больше, чем косметическая операция, добавляющая красоты существованию, уже более или менее полному. Это новое начало, возрождение: смерть и воскресение. Разумеется, в воскресении возобновляется то, что было хорошего в предыдущей жизни.

Третье: материя входит в состав таинства. Христианство – не чисто духовная реальность. Христианство имеет в виду тело. Имеет в виду космос. Простирается к новой земле и новому небу. Вернёмся к последнему слову в тексте св. Павла: итак, говорит он, мы можем «ходить в обновлённой жизни». Вот элемент испытания совести для всех нас: ходить в обновлённой жизни. Это о крещении.

Теперь перейдём к таинству евхаристии. В других катехитических беседах я

уже отметил, с каким глубоким уважением св. Павел пересказывает предание о евхаристии, полученное им от самих свидетелей последнего вечера. Он излагает эти слова как бесценное сокровище, порученное его верности. А потому в этих словах мы действительно слышим свидетелей последнего вечера. Послушаем слова апостола: «Ибо я от [Самого] Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Моё, за вас ломимое; сие творите в Моё воспоминание. Также и чашу после вечера, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Моё воспоминание» (1 Кор 11,23-25). Это неисчерпаемый текст. В этой беседе сделаю лишь два кратких замечания. Вот как Павел передаёт слова Господа о чаше: «сия чаша есть новый завет в Моей Крови». В этих словах кроются две отсылки к основополагающим текстам Ветхого Завета. Первая отсылка – к обещанию нового завета в Книге пророка Иеремии. Иисус говорит ученикам и нам: теперь, в этот час, во Мне и Моей смерти осуществляется новый завет; с Моей крови начинается в мире новая история человечества. Но в этих словах есть и отсылка к заключению завета на Синае, где Моисей сказал: «Вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исх 24,8). Там речь шла о крови животных. Кровь животных могла быть лишь выражением желания, ожидания истинной жертвы, истинного культа. С чашей Господь дарует нам истинную жертву. Единственная истинная жертва есть любовь Сына. Получая в дар эту любовь, вечную любовь, мир входит в новый завет. Совершение евхаристии означает, что Христос отдаёт нам Себя, Свою любовь, чтобы уподобить нас Себе и тем самым сотворить новый мир.

Второй важный аспект учения о евхаристии освещён в том же Первом послании к коринфянам, где св. Павел говорит: «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (10,16-17). В этих словах отражена как личностная, так и социальная природа таинства евхаристии. Христос соединяется лично с каждым из нас, но тот же Христос соединяется также с мужчиной и с женщиной, которые рядом со мной. Хлеб – для меня, но и для другого. Так Христос объединяет всех нас с Собой и объединяет всех нас друг с другом. В причастии мы принимаем Христа. Но Христос соединяется и с моим ближним: Христос и ближний неотделимы в евхаристии. И поэтому все мы – один хлеб, одно тело. Евхаристия без солидарности с другими есть злоупотребление евхаристией. И здесь мы подходим к основанию и одновременно к средоточию учения о Церкви как о Теле Христа, Христа воскресшего.

Мы видим, насколько реалистично это учение. Христос даёт нам в евхаристии Своё тело, отдаёт самого Себя в Своём теле и тем самым делает нас Своим телом, соединяет нас со Своим воскресшим телом. Когда человек ест обычный хлеб, этот хлеб в процессе пищеварения становится частью его тела, преобразуется в субстанцию человеческой жизни. Но в святом причастии совершается обратный процесс. Христос Господь уподобляет нас Себе, вводит нас в Своё прославленное тело и таким образом все мы вместе становимся Его Телом. Кто прочтёт только главу 12 Первого послания к коринфянам и главу 12 Послания к римлянам, тот может подумать, что слово о Теле Христовом как об организме с различными дарами (харизмами) – это всего лишь своего рода притча, социолого-богословская. В самом

деле, в римской политологии образ тела с различными членами, пребывающими в единстве, применялся к государству и означал, что государство представляет собой организм, в котором у каждого своя функция, множественность и разнообразие функций составляют одно тело и каждый занимает своё место. Ограничившись прочтением 12 главы Первого послания к коринфянам, можно подумать, что Павел переносит на Церковь только это, что и здесь перед нами лишь социология Церкви. Но вчитываясь в десятую главу, мы видим, что реализм Церкви совсем в другом, он более глубок и истинен, чем у государства-организма. Ведь Христос действительно даёт нам Своё тело и делает нас Своим телом. Мы действительно становимся едины с воскресшим телом Христовым, а потому и едины друг с другом. Церковь – это не только корпорация, как государство, но и тело. Это не просто организация, но подлинный организм.

В конце очень коротко остановлюсь на таинстве брака. В Послании к коринфянам есть лишь несколько набросков, тогда как в Послании к ефесянам заключено по-настоящему глубокое богословие брака. Павел называет здесь брак «великой тайной». Это он говорит «по отношению ко Христу и к Церкви» (5,32). В этом фрагменте подчёркивается взаимность, выстраиваемая в вертикальном измерении. Обоюдное подчинение должно изъясняться на языке любви, для которой образцом служит любовь Христа к Церкви. Сравнение с отношениями Христа и Церкви показывает, что супружеская любовь – это в первую очередь богословская реальность, и превозносит нежную привязанность супругов друг к другу. Подлинный брак будет иметь место, если, постоянно возрастая в человечности и любви, постарается всегда сохранять связь с действенным словом и со смыслом крещения. Христос освятил Церковь, очистив её водной баней в сопровождении слова. Причащение телу и крови Господа лишь укрепляет – равно как и делает видимым – единство, в силу благодати ставшее неразрывным.

Наконец, послушаем слово св. Павла к филиппийцам: «Господь близко» (Флп 4,5). Мне кажется, мы уже поняли, что, благодаря слову и таинствам, Господь близок к нам во всей нашей жизни. Попросим Его о том, чтобы эта близость всё более затрагивала глубины нашего существа, и тогда родится радость – та радость, что рождается, когда Иисус действительно близок к нам.